

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ

Научная статья

УДК 821.161.1Достоевский

DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-170-189

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»: ОТРАЖАЕТ ЛИ ОБРАЗ МАКАРА ДОЛГОРУКОГО ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПЕРСОНАЖА К СЕКТЕ БЕГУНОВ?

Карпачева Татьяна Сергеевна

Московский городской педагогический университет; Москва, Российская Федерация;
karpachevats@mgnu.ru, AuthorID: 338826, <https://orcid.org/0009-0007-6227-4874>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, соответствует ли мировоззрение Макара Ивановича Долгорукого в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» идеологии бегунов и, следовательно, можно ли говорить о принадлежности героя к этой секте. Автор приходит к выводу о том, что имеющееся в литературоведческой науке мнение о таком соотношении ошибочно. Бегуны, стремясь «обособиться», бежали от общества, в то время как итог странствий Макара Ивановича созидательный – он несет в себе мир и гармонию людям. В словах героя нет ничего, что противоречило бы православному богословию. Вобрав в себя мысли из сочинений свт. Тихона Задонского, а также черты, присущие и другим русским святым, Макар Иванович стоит в характерологии Достоевского в одном ряду со старцем Зосимой, епископом Тихоном в «Бесах», но никак не с Миколкой (персонажем, по своему менталитету наиболее близким к бегунам). А размышления Макара Ивановича о самоубийцах и самоубийстве, о сложности человеческой природы, о многообразии причин, могущих повлечь за собой роковой шаг, предвосхищают открытия современной медицинской науки и являются частью художественной антропологии Достоевского.

Ключевые слова: роман «Подросток», Макар Долгорукий, секта бегунов.

Для цитирования: Карпачева Т.С. Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: отражает ли образ Макара Долгорукого принадлежность персонажа к секте бегунов? // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 170–189. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-170-189.

Original article

F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE ADOLESCENT": DOES THE IMAGE OF MAKAR DOLGORUKY REFLECT THE CHARACTER'S BELONGING TO THE SECT OF RUNNERS?

Tatiana S. Karpacheva

Moscow City University; Moscow, Russian Federation;

karpachevats@mgpu.ru, AuthorID: 338826, <https://orcid.org/0009-0007-6227-4874>

Abstract. The article examines whether the worldview of Makar Ivanovich Dolgoruky in F.M. Dostoevsky's novel «The Adolescent» corresponds to the ideology of the runners and, consequently, whether it is possible to speak of the hero's belonging to this sect. The author comes to the conclusion that the opinion about such a relationship that exists in literary criticism is erroneous. The runners fled from society, seeking to «isolate», while the result of Makar Ivanovich's wanderings was creative – he brings peace and harmony to people. There is nothing in the words of the hero that would contradict Orthodox theology. Having absorbed the thoughts from the works of St. Tikhon of Zadonsk, as well as features inherent in other Russian saints, Makar Ivanovich stands in Dostoevsky's characterology in the same row with the elder Zosima, Bishop Tikhon in «Demons», but not with Mikolka (the hero, in his mentality closest to the runners). And Makar Ivanovich's reflections on suicides and suicide, on the complexity of human nature, on the diversity of reasons that can lead to a fatal step, anticipate the discoveries of modern medical science and are part of Dostoevsky's artistic anthropology.

Keywords: novel "The Adolescent", Makar Dolgoruky, sect of runners.

For citation: Karpacheva Tatiana S. F.M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent": Does the Image of Makar Dolgoruky Reflect the Character's Belonging to the Sect of Runners? // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 170–189. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-170-189.

© Карпачева Т.С., 2024

Введение

В настоящее время как в научном сообществе, так и среди широкого круга общественности усилился интерес к осмыслению религиозно-философских проблем в творчестве Ф.М. Достоевского. Немало работ посвящено изучению православной традиции в художественном мире писателя – библейских сюжетов и аллюзий на них, переключек со святоотеческим наследием. Гораздо меньше внимания в достоевсковедении уделено теме сект в творческом опыте писателя. При этом интерес автора к данной теме подтверждается, в том

числе, наличием в его библиотеке книги А.М. Иванцова-Платонова «Ереси и расколы первых трех веков христианства» [Библиотека Достоевского, 2005, с. 117]. К изучению сект и образов сектантов в литературной практике Достоевского обращался целый ряд отечественных и зарубежных ученых и исследователей [Истомин, 1924; Волгин, 1991, с. 262–265; Дилакторская, 1995; Цой, 1995; Ипатова, 2001; Джоунс, 2005; Тусичишный, 2010; Буданова, 2012, с. 195–203; и др.].

В частности, образы Мурина в повести «Хозяйка», старика-старовера в «Записках из Мертвого дома», Миколки Дементьева в «Преступлении и наказании», Хромоножки в романе «Бесы» – все они не могут быть поняты вне религиозной, а точнее псевдорелигиозной составляющей их мировоззрения. Некоторые исследователи, впрочем, на наш взгляд, ошибочно причисляют к образам сектантов Макара Ивановича Долгорукого – героя романа «Подросток» [Боград, 2007, с. 162; Белопольский, 2013, с. 289]. Более того, в достоевсковедении сформировалась своего рода тенденция рассмотрения этого характера как «продолжения» образа старика-старовера из «Записок из Мертвого дома» [Туниманов, 1971, с. 3; Власкин, 1994, с. 51; Мочульский, 1995, с. 312; Ми Сюйян, 2017, с. 139 и др.], выявления в его мировоззрении «еретического элемента» [Семенов, 1979, с. 93; Михнюкевич, 1994, с. 183], причисления его к секте бегунов либо понимания этого образа как «близкого» к бегунам [Белопольский, 2013, с. 289].

На наш взгляд, эта линия восприятия персонажа требует пересмотра.

К примеру, Г.Л. Боград делает вывод о принадлежности образа Макара Ивановича к бегунам лишь на основании его странничества, считая, что «в XIX веке понятие “странник” относилось прежде всего к сектантам-раскольникам – странникам, или бегунам» [Боград, 2007, с. 162]. Между тем слова «странник» («странствовать», «странствие» и т. д.) имели и имеют гораздо более широкое семантическое поле. Значительно чаще они употреблялись и употребляются в значении «паломник» («паломничать» – путешествовать по святым местам). Так, в словаре В.И. Даля отражено в первую очередь именно такое, классическое, понимание данного лексического гнезда: «*Странствовать, странствие, странство, странничанье*, действие по глаг. *Странничанье* бол-ьше> говор<ят> о паломничестве, скитанье по святым местам, по монастырям. <...> *Странник, -ница*, то же, более в знач. *странный, заходящий, человек с чужбины, проезжий, прохожий; гость, ищущий где временного приюта* <...> *У нас на селе странницы, по обету, в Соловки идут...*» [Даль, 2007, т. 4, с. 181]. Дается и значение слова «странник» как «последователь секты бегунов», но не в качестве основного: «*Странники, скитальцы или сопелковщина, изуверский толк беспоповщины, из новейших, утверждающий видимое царенье антихриста, почему всякое повиновение власти есть смертный грех и гибель вечная; должно жить и умереть странником, бродягой и быть зарытым тайно, где-нибудь в лесу*»

[Даль, 2007, т. 4, с. 181]. Чтобы сделать вывод о возможной принадлежности или непринадлежности характера Макара Ивановича к секте бегунов, необходимо обратиться к исследованиям, посвященным непосредственно этому социальному феномену.

Осуществленная *исследовательская методология* опирается на концептуально-аналитические принципы изучения социологически-религиоведческих аспектов литературных феноменов.

Основная часть

Секта бегунов, ее учение и образ жизни последователей неоднократно становились предметом рассмотрения уже современниками Достоевского.

Основание секты относят к концу XVIII века. Ее создателем был беглый солдат Евфимий (1743–1792) [Трефолов, 1866, с. 610]. Он называл царскую власть «апокалиптическим зверем», призывал «порвать всякую связь с обществом и государством, не брать паспортов, не идти на военную службу, не обращаться в суд, не платить налоги, но “достоить таиться и бегать”, то есть не иметь дома, семьи, а только постоянно скрываться и избегать всякой связи с людьми, носящими печать антихриста, в том числе и со старообрядцами» [Варадинов, 1863, с. 530–532; Бахмутов, 2008]. Тогда же представители таких групп стали называться «странниками».

К XIX веку для бегунов значительно важнее оказался переход на нелегальное положение, чем странничество само по себе. При вступлении в секту необходимо было уничтожить документы и жить скрытно, хотя бы и в своей деревне [Варадинов, 1863, с. 532–533; Мальцев, 2003, с. 447]. Как отмечает исследователь раскола, современник Достоевского, юрист, доктор права Н.В. Варадинов (1817–1886), такие «странники» очень почитались в старообрядческой среде и всегда могли рассчитывать на кров и пищу: «звание странника не очень выгодно, но положение их улучшали странноприимцы, жившие в мире в чаянии будущего странничества и допускаявшиеся потому в секту. Эти странноприимцы скрывали странников, хранили их имущество, принимали для них подаяния. Под конец жизни или в случае тяжелой болезни странноприимцы сами уходили в странство или их выносили из домов для того, чтобы зачислить в бегах и дать возможность умереть в этом звании и на чужой стороне <...>. Были примеры, что многие странники, записанные бежавшими, жили в родном селе, только не в своем доме, а у соседа или даже дома, но под “сокрытием”. <...> Для укрывательства странников странноприимцы устраивали в своих домах тайники и подпольные секретные кельи с печами и другими удобствами для покойного жилья» [Варадинов, 1863, с. 533].

И.С. Аксаков, также изучавший идеологию и образ жизни бегунов, приводит примеры совершенно абсурдных случаев, когда дети зажиточных крестьян подавались в розыск, числились «в бегах», однако при этом оставались

дома, «скрываясь в тайниках родительских изб и находя для себя отраду, сколько в исключении себя из общества антихристовых граждан, столько же в “стеснении, скрытии и гонении”, когда никто еще тогда их не преследовал!» [Аксаков, 1866, стлб. 639].

Доктор богословия, профессор Казанской духовной академии Н.И. Ивановский (1840–1913) также как наиболее характерную черту учения бегунов выделяет именно «сокрытие», в т. ч. отказ от документов, и обращает внимание на наличие в той или иной степени организованных групп в их среде: «первичная идея бегунства не могла быть и выдержана в смысле необходимого ее осуществления каждым членом секты. В противном случае распалась бы и самая секта, как общество, и все странствующие превратились бы в нестройную бродячую толпу, без всякой сплоченности и организации» [Ивановский, 1901, с. 2, 25]. Исследователь указывает на резко антисоциальную идеологию бегунов: «православную церковь они исповедуют находящейся под властью антихриста, но и государство со всеми его учреждениями считают антихристианским, почему с последним разрывают всякую связь»; «не подчиняются никаким существующим властям, считая их иконой апокалиптического зверя – антихриста <...> не несут никаких общественных повинностей, живут скрытно, в каком-то особом мире, точно в другом царстве» [Ивановский, 1901, с. 2]. Таким образом, любые представители власти считались среди бегунов «слугами антихриста», и пострадать от властей значило пострадать за Христа [Аксаков, 1866; Трефолов, 1866; Кельсиев, 1868, с. 35–37 и др.].

Краевед и публицист Л.Н. Трефолов (1839–1905), изучавший секты бегунов в родной Ярославской губернии, указывает на их главное отличие от иных сект беспоповцев, состоящее как раз в их непримиримом радикализме: «лжеучение всех беспоповщинских толков об антихристе (который будто бы не только в церкви, но и во всем составе общества, в его властях и подчиненных, в их мыслях и делах царствует невидимо) странники дополнили тем, что антихрист уже явился и царствует видимо, со времен Петра. Таким образом, когда прочие толки, хотя и отвергают власть, но считают нужным скрывать это и по наружности повиноваться, странники, напротив, <...> неповиновение власти поставляют в непреложное условие спасения»; «по их учению, “день Христов” – день брани...» [Трефолов, 1866, с. 611–612].

При вступлении в секту практиковалось перекрещивание («преимущественно в реке» [Варадинов, 1863, с. 532]); православная церковь считалась еретической, поврежденной нововведениями, поэтому не признавался церковный брак («церковный брак странники считают состоянием непрерывного, но бессознательного прелюбодеяния, без покаяния» [Трефолов, 1866, с. 611]). Даже сама смерть последователей секты бегунов регламентировалась своеобразными правилами. Считалось, что лица, придерживающиеся их учения, если и жили в миру (так

называемые «жиловые странники», дававшие в укрытиях своих домов приют для беспаспортных единоверцев), то хотя бы умереть должны были «на чужой стороне»; впрочем, эта «чужая сторона» могла быть хоть «за 100 сажень от родного дома» [Варадинов, 1863, с. 533]; главное, чтобы нахождение могилы никому не было известно – для соблюдения принципа «безвестности погребения» [Ивановский, 1901, с. 25]. Даже самый почитаемый наставник бегунов Никита Семенов, который долгие годы управлял сектой, «вершил суд» над провинившимися и т. д., был погребен в лесу «в безвестности», и, хоть все последователи долгое время носили по нему траур и справляли поминки, на похоронах его присутствовало не более пяти человек [Ивановский, 1901, с. 21]. Практически все исследователи проблемы сект – современники Достоевского – указывают также и на широкое распространение криминала в этой никак не контролируемой среде: укрывательство беглых, грабежи, разбои, случаи мошенничества [Варадинов, 1863, с. 529, 534; Трефолев, 1866, с. 626].

Из героев Достоевского наиболее близок к бегунам красильщик Миколка в романе «Преступление и наказание», до переезда в Петербург принадлежавший к некоей замкнутой, сходной с бегунами религиозной группе: «он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роду бегуны бывали, и сам он еще недавно, целых два года, в деревне у некоего старца под духовным началом был. <...> просто в пустыню бежать хотел! Рвение имел, по ночам Богу молился, книги старые, “истинные” читал и зачитывался» [Достоевский, т. VI, с. 347]. Порфирий Петрович очень точно понимает идею бегунов о «принятии страдания» «от властей»: «Это не то чтобы за кого-нибудь, а так просто “пострадать надо”; страдание, значит, принять, а от властей – так тем паче» [Достоевский, т. VI, с. 348].

В судебной практике были известны самооговоры бегунов, сходные с Миколкиным. А.Ф. Кони приводит случай из практики, когда старик, «принадлежавший к секте бегунов или странников так называемого сопелковского согласия, <...> будучи задержан в Казани, возводил на себя разные преступления, с угрюмым упорством отвергая твердо установленные данные, указывающие на его невиновность»; «внизу протоколов своих показаний он писал полууставом: “за истинную православную христианскую веру раб Божий Иона Воробьев руку приложил”» [здесь и ниже: Кони, 1922, с. 320]. Ученый отмечал, что такие случаи были нередки «между последователями крайних и мрачных сектантских учений, вроде морельщиков, самосжигателей, бегунов», считавших, что «Царство Небесное может быть достигнуто только тяжкими и незаслуженными земными испытаниями, и потому ищущ<их> “приятъ страдание”, возводя на себя небывалые преступления или обвиняя себя в совершении преступления, несомненно содеянного другими».

Однако даже о принадлежности Миколки к секте бегунов нельзя говорить

буквально: бегуны бывали, по наблюдению Порфирия Петровича, в его «роду», а сам он лишь жил некоторое время в какой-то общине сектантского толка. Но такая антиобщественная идеология, возводящая в культ страдание, не вступает в диссонанс с его образом.

Что же касается образа Макара Ивановича, одного из «христоликих» [Попович, 2002, с. 179] героев Достоевского, то признаки, характерные для мировоззрения и особенностей жизни бегунов, вступают в прямое противоречие с этим образом. Так, рассказывая о своих странствиях, Макар Иванович постоянно упоминает посещение православных монастырей, что для представителей этой секты было совершенно неприемлемо. По мнению бегунов, церковь «погибла» после переписи крестьян в 1742 году и сохранилась только среди бежавших от ревизии, о чем Достоевский не мог не знать [Щапов, 1906, с. 505–579].

В подготовительных материалах к роману «Подросток» содержится запись о рассказах Макара Ивановича и о монастырских службах: «Макар Иванов рассказывает о вечернях и стояниях, взятъ из Парфения»¹ [Достоевский, т. XVI, с. 150]. Рассказчик замечает, что Макар Иванович «любил <...> говорить о пустынножительстве и ставил “пустыню” [то есть монастырское жительство] несравненно выше “странствий”» [здесь и ниже: Достоевский, т. XIII, с. 310, 312]. Интересно, что буквально сразу же дается «отклик» Версилова на этот мировоззренческий аспект. Версиров будто бы «забывает» о том, что Макар Иванович не может принять монашеский постриг, потому что он женат, а не по причине своей «страсти» к «странствиям»: «Хвалит пустыню с восторгом, но ни в пустыню, ни в монастырь ни за что не пойдет, потому что в высшей степени “бродяга”». Весь рассказ Версилова о Макаре Ивановиче («Макар Иванович прежде всего — не мужик, а дворовый человек <...> до сих пор всего больше интересуется событиями из господской и высшей жизни») пронизан нескрываемым высокомерным тоном: он именно так рассказывает о Макаре Ивановиче, как говорил бы «барин» о «дворовом человеке». И тем не менее рассказу Версилова исследователи, казалось бы, *доверяют* больше, чем рассказу Аркадия, от лица которого ведется всё повествование.

Так, именно на впечатление Версилова ориентируются исследователи для иллюстрации «нецерковности» Макара Ивановича: «Писатель подчеркивает, что народный идеал святости чужд византийской строгости и монашеского аскетизма. Макар паломничает по монастырям, восхваляет пустыню, но, прибавляет автор [устами Версилова], “ни в пустыню, ни в монастырь ни за что не пойдет”» [Мочульский, 1995, с. 488]. На самом же деле, из рассказа Макара Ивановича (а не Версилова о нем) как раз следует, что он, в отличие от бегунов, не «возводит в принцип» свои скитания,

¹ Речь идет о книге схиигумена Парфения Агеева «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения» (В 4 ч. М.: в тип. Александра Семена, 1855). Достоевский был знаком с этой книгой и даже брал ее с собой за границу [Якубович, 1978, с. 136–143].

а выбирает этот образ жизни, поскольку не может уйти в монастырь, к чему больше всего лежит его душа, во-первых, по причине женитьбы на Софье Андреевне; во-вторых, из-за невозможности заглушить боль от измены жены; и, наконец, в силу христианского молитвенного подвига: в тех святых местах, где он бывает, он везде молится о своей жене, «непутевом» барине-сопернике и о «детках».

На вполне традиционное христианское мировоззрение Макара Ивановича указывает также то, что он является горячим защитником и даже, можно сказать, проповедником науки: «сызмлада науку почитал, и хоть сам не смыслен, на то не ропщу: не мне, так другому досталось» [здесь и ниже: Достоевский, т. XIII, с. 288]. Притом никакого противоречия между наукой и религией он не видит; более того, считает, что именно научное мышление поможет отстоять и сохранить веру: «Все познай, чтобы, когда встретишь безбожника али озорника, чтоб ты мог пред ним ответить, а он чтоб тебя неистовыми словами не забросал и мысли твои незрелые чтоб не смутил», – такой совет дает Макар Иванович Аркадию, «прозревая», вероятно, в нем будущего горячего защитника православия.

Макар Иванович пользуется медицинской помощью, что не только для бегунов, но и для иных, значительно менее радикальных сект и раскольнических общин было практически неприемлемым. Характерной чертой всей раскольничьей среды являлся либо полный отказ от медицинской помощи, либо очень настороженное к ней отношение. Более того, такое отношение к медицинской помощи уже в начале XIX века вызывало обеспокоенность правительства: в 1820 году Александром I был утвержден Указ, содержащий распоряжение местным властям «обратить внимание на больных, оставляемых раскольниками без всякой помощи, и доставлять им нужное пособие посредством помещения их в больницы Приказов Общественного Призрения или употреблением на местах жительства врачей», а «по исцелении же таковых обращать их в места, где они по законам находиться должны» [Халтулари, 1903, с. 59–60]. Макар Иванович, в свою очередь, хвалит мазь, выписанную доктором Лихтенем, и состоит с ним «в теснейших приятельских отношениях» [Достоевский, т. XIII, с. 286, 298].

Макар Долгорукий считает незыблемым таинство брака, поэтому заботится об изменившей ему супруге, для чего и берет деньги («отступные») от Версилова, чтобы сохранить их для Софьи Андреевны. На то, что Макар Иванович больше заботится о Софье Андреевне, чем Версильов, уже неоднократно обращали внимание исследователи [Ракина, 1986, с. 88]. Более того, Макар Иванович обращается в суд (с точки зрения бегунов, самое что ни на есть «антихристовое» учреждение) с тем, чтобы вытребовать обещанную сумму с процентами, чем очень удивляет Версильова: «Не понимаю, зачем страннику столько собственных денег... деньги такая светская вещь» [Достоевский, т. XIII, с. 108]. Очевидно, что все это несовместимо

с идеологией бегунов.

Показательно, что, когда доктор называет Макара «бродягой» («Ну, там религиозный бродяга, ну, набожный, а все-таки бродяга. В хорошем, почтенном смысле, но бродяга»), Аркадий возмущается и возражает ему: «Уверяю вас, <...> что бродяги – скорее мы с вами, и все, сколько здесь ни есть, а не этот старик, у которого нам с вами еще поучиться, потому что у него есть твердое в жизни, а у нас, сколько нас ни есть, ничего твердого в жизни» [Достоевский, т. XIII, с. 300–301]. Удивляется слову «бродяга» по отношению к Макару Ивановичу и Татьяна Павловна, хотя ей прекрасно известен его образ жизни: «Так Макар – бродяга, по-твоему?» [Достоевский, т. XIII, с. 300].

Иными словами, сама по себе любовь к паломничеству еще не делает Макара Ивановича бродягой. «Дорога» Макара Долгорукого закончилась в кругу семейства, пусть и «случайного». Он умирает не в лесу, а в кругу близких, перед смертью дает всем наставления, и его отпевают по православному обряду.

Особую роль в понимании этого образа играет напутствие Макара Ивановича, данное им перед смертью Аркадию, о служении Православной церкви: «Ты, милый, святой церкви ревнуй, и аще позовет время – и умри за нее; да подожди, не пугайся, не сейчас <...> Теперь ты, может быть, о сем и не думаешь, потом, может, подумаешь. Разве что молитву приучайся творить ежедневно и неуклонно» [Достоевский, т. XIII, с. 330]. Исследователи, склонные видеть в образе Макара Ивановича «расхождение» с каноническим православием, стараются обращать лишь незначительное внимание на эти слова (ведь Макар говорит не о «старой вере», а о традиционной, православной, «никонианской»). Так, в этом напутствии Макара Ивановича видят только иллюстрацию его «наставнической роли», в ряду с другими «духовными поучениями», «высказанными» в императивной форме сентенциями» [Михнюкевич, 1994, с. 185] (после цитирования этих высоких слов об исповедании веры исследователем пренебрежительно ставится «и т. д. и т. п.»). Впрочем, на наш взгляд, напутствие Макара Ивановича Аркадию – это вовсе не шаблон и даже не «наставничество», а, можно сказать, «прозрение» или «пророчество» о грядущих большевистских гонениях на церковь: неспроста оно высказано на краю перехода в вечность. (Аркадий же вполне мог бы дожить до Октябрьской революции и начала социальных трансформаций 1918 года, и даже до 1937 года – пика сталинских репрессий.)

Главный аргумент, к которому апеллируют исследователи, считающие, что мировоззрение Макара Ивановича будто бы расходится с православием, – это его призыв молиться за самоубийц. В частности, звучит суждение о «неканоничности» и «нецерковности» веры этого героя: «Признавая, что “самоубийство есть самый великий грех человеческий”, Макар тем не менее советует Аркадию молиться за самоубийц, что церковь безусловно запрещалось» [Михнюкевич, 1994, с. 183]. На деле ничего «безусловного»

в этом вопросе, как и в других дискуссионных церковно-социальных вопросах, нет, тем более что Макара Иванович говорит даже не о церковном поминовении, а о *келейном*: «Каждый раз, как услышишь о таком грехе, то, отходя ко сну, помолись за сего грешника умиленно; хотя бы только воздохни о нем к Богу; даже хотя бы ты не знал о нем вовсе, – тем доходнее твоя молитва будет о нем» [Достоевский, т. XIII, с. 310]. Если вопрос отношения к поминовению самоубийц в церкви прошел определенный путь своего развития [Поселянин, 1913¹; Бондач, 2008], то келейная (домашняя) молитва за кого бы то ни было никогда не запрещалась.

Интересно, что слова Макара Ивановича почти буквально повторяет и старец Зосима: «горе самим истребившим себя на земле, горе самоубийцам! Мыслью, что уже несчастнее сих и не может быть никого. Грех, рекут нам, о сих Бога молить, и церковь наружно их как бы и отвергает, но мыслью в тайне души моей, что можно бы и за них помолиться. За любовь не осердится ведь Христос. О таких я внутренно во всю жизнь молился, исповедуюсь вам в том, отцы и учителя, да и ныне на всяк день молюсь» [Достоевский, т. XIV, с. 293]. Никакая молитва, если она обращена к Богу, не может «расходиться» с православным вероучением.

На создание Достоевским образов святых и праведников повлияли идеи свт. Тихона Задонского [Якубович, 1978; Тихомиров, 2001; Плетнев, 2007; Карпачева, 2015; Саису, 2020 и др.]. Они неоднократно отражены в его молитвенных подвигах: «Обнимая всех с любовью, святитель Тихон говаривал: “Желал бы я, чтобы не только раскольники, но и турки и все противящиеся Богу получили вечное спасение и блаженство”» [Жития святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского, 2007, с. 166]; «<благодать Божия> воспламеняет <...> сердце такой любовью к Богу, что ни на небе, ни на земле, ни к чему он <человек> не стремится, ничего не желает, кроме единого Бога, – воспламеняет и такой любовью к ближним, что хотел бы всех без изъятия вместить в объятия любви своей и всех видеть спасенными» [Тихон Задонский, 2003, т. 1, с. 221–222]. В своем «Келейном молении» свт. Тихон несколько молитвенных обращений к Богу из псалмов озаглавил как «Молитвы об общем спасении» [Тихон Задонский, 2004, с. 30].

Нельзя не отметить, что рассуждения Макара Ивановича о самоубийцах носят не столько религиозный, сколько социально-психологический характер. Его призыв к молитве за них – плод долгих размышлений о человеческой природе. И слова о том, что «судья тут – един лишь Господь, ибо ему

¹ Вопрос о поминовении самоубийц в начале XX века будет осмысливаться, в частности, в книге Е. Поселянина (псевдоним Е.А. Погожева, 1870–1931) «Идеалы христианской жизни», очень полюбившейся читателям и снискавшей популярность. В ней содержится рассказ-притча о священнике, страдавшем пьянством, но не забывавшем, однако, усердно молиться обо всех умерших, в том числе и о самоубийцах. В сонном видении они «пришли» к архиерею заступиться за своего молитвенника, когда тот хотел отстранить священника от служения [Поселянин, 1913, с. 175–177].

известно все, всякий предел и всякая мера» [Достоевский, т. XIII, с. 310], – это не только упование на милосердие Божие, но и понимание того, что в психологии самоубийства еще не все открыто. Самоубийца далеко не всегда безбожник, а случаи доведения до самоубийства или склонения к нему не всегда становятся известны, поэтому «всякий предел и всякая мера», по справедливому замечанию старца, действительно известны только Богу, а человека Макар Иванович призывает лишь к проявлению милосердия – к молитве. Неспроста в его рассказах фигурируют два явно необычных суицидента: солдат, повесившийся оттого, что его несправедливо оправдали, то есть лишили возможности понести наказание, и восьмилетний ребенок, совершивший самоубийство из страха перед наказанием [Достоевский, т. XIII, с. 309–310, 318]. Очевидно, что обе эти трагедии иллюстрируют не «безбожие» суицидентов, а нечто иное.

Размышления Макара Ивановича о сложности человеческой природы, о многообразии причин, могущих повлечь за собой этот роковой шаг, фактически, как и многое иное в творчестве Достоевского, предвосхищают открытия современной медицинской науки. Так, известный врач и ученый, основатель российской (советской) суицидологии А.Г. Амбрумова выделяет в своих исследованиях один из мотивов самоубийства – «самонаказание» [Амбрумова, 1994, с. 17]. Этим мотивом и руководствовался, по всей видимости, солдат из рассказа Макара Ивановича, рассчитывавший на справедливое наказание суда, которого его лишили. Детское самоубийство, о котором Макар Долгорукий говорит как о небывалом явлении («И вот на памяти людской не было еще в тех местах, чтобы такой малый робенок на свою жизнь посягнул» [Достоевский, т. XIII, с. 318]), тоже является определенным новым знанием о человеке, которое ужасает, но знать о котором необходимо. Такой феномен детского суицида всего через несколько лет будет отражен Достоевским в «Дневнике писателя» за 1877 год в статье «Именинник» – о повесившемся гимназисте [Достоевский, т. XXV, с. 34–35]. С этим «небывалым» явлением вскоре столкнется всё общество, когда на рубеже XIX–XX веков вспыхнет, как называли ее современники, «эпидемия» подростковых и юношеских суицидов [Лярский, 2017].

Нельзя, таким образом, согласиться и с пониманием образа Макара Ивановича как юродивого, деревенского «чудака», радующегося «Божьему миру» лишь потому, что он мало что в нем смыслит. Такая точка зрения, подразумевающая взгляд на Макара Долгорукого свысока – взгляд «версильский», «барский» (как на «дворянского человека»), – присутствует в науке с середины XX века, когда мировоззрение этого героя Достоевского было определено как «наивный пантеизм», а он сам был представлен «простоватым чудачком»: это «благоговейный восторг» «в растроганных восклицаниях старца <...> перед гармонией мироздания, которую он усматривает в тождестве предмета с присущим ему по природе действием» [Семенов, 1979,

с. 93]. Немецкий же исследователь Р. Опиц видит в Макаре Ивановиче лишь «трогательный образ в духе русского народного христианства», чья «сила заключается в легком отношении к окружающему, в *пассивном* собирании впечатлений, в умении радоваться чуду Божьего мира...» [Опиц, 2003, с. 31] (Курсив мой. – Т.К.). Хотя ученый в целом и положительно относится к герою, но все же такое понимание этого образа представляется недостаточным.

Парадоксально, но именно *странник* Макар Иванович своим появлением дарит *дом* «случайному семейству». Так, на протяжении всего романа Аркадий, если говорит о квартире, где он живет с матерью и сестрой, то большей частью не идентифицирует ее как «свой дом»: он говорит «к маме» или «дал адрес мамы» [Достоевский, т. XIII, с. 278]. А когда в их квартире поселяется Макар Долгорукий, квартира становится уже «домом». Так, в реплике «Ну мог ли я встать и уйти домой... к Макару Ивановичу?» писатель с помощью многоточия обозначил паузу в речи молодого человека, свидетельствующую о новизне в его мировосприятии [Достоевский, т. XIII, с. 338]. Своим присутствием Макар Иванович превращает «беспорядок», «бездомье» в дом [Карпачева, 2013]. Аркадий обретает своего «духовного отца», когда тот уже на пороге смерти: им нужно увидеться здесь, на земле, чтобы Макар Иванович благословил его в новый путь и не оставлял своей молитвенной поддержкой после смерти, ибо «и по смерти любовь» [Достоевский, т. XIII, с. 290]. Смерть Макара Долгорукого становится как бы началом «новой жизни» Аркадия.

На «преображающую», «восстанавливающую», «собирательную», «созидательную» роль Макара Ивановича в «случайном семействе» неоднократно обращали внимание многие ученые. Так, главной отличительной чертой этого образа было названо «непосредственное и живое чувство своей нерасторжимой связи с миром», поскольку в своей «соборной», «собирательной» роли он препятствует «раздробленности», едва не погубившей и Аркадия, и Версилова, и Ахмакову: «Всеобъединяющей и потому “прекрасной” тайне Макара противостоят в “Подростке” всераздробляющие, частные тайны и секреты других героев» [Ракитина, 1986, с. 57, 99]. Было также отмечено, что «категория религиозного преобразования личности [в понимании преобразования Аркадия] определяет жанровую природу и хронотоп романа», а в создании образа Макара Ивановича различаются черты древнерусской святости и традиции жанра хождения (хождения): «Паломник идет крестным путем Христа, желая стяжать Дух Святой» [Гаричева, 2011, с. 201, 204–205].

Выводы

Итак, образ Макара Ивановича Долгорукого в романе «Подросток», восходящий к идеалу святости, вобравший в себя мысли из сочинений свт. Тихона Задонского, а также черты, присущие и другим русским святым, стоит в одном ряду с образами старца Зосимы, епископа Тихона в романе

«Бесы», но никак не с фигурой Миколки (персонажа, по своему менталитету наиболее близкого к секте бегунов). Бегуны уходили от общества, стремясь «обособиться». Итог же странствий Макара Ивановича, напротив, созидательный. Он не отрекается от мира, как бегуны, стремившиеся «закрыться», «спрятаться», чтобы не участвовать в жизни общества, где, по их мнению, воцарился антихрист; напротив, в своих речах и поступках он несет людям гармонию. В словах Макара Ивановича нет ничего, что противоречило бы догматическому богословию традиционного православия: он наделен чертами не только великого молитвенника и наставника, но и философа-богослова.

Источники

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 тт. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990.

Библиотека Ф.М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.

Православная литература

Жития святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 286 с.

Тихон Задонский, свт. Собр. соч.: в 5 тт. М.: Изд-во им. свт. Игнатия Ставропольского, 2003.

Тихон Задонский, свт. Келейное моление // Святитель Тихон Задонский, свт. Избранные труды, письма, материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2004. Приложение (издается отдельной вкладкой). 62 с.

Словарь

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Совмещенная ред. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртене в современном написании. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

Литература

Аксаков И.С. Краткая записка о странниках или бегунах (1851) // Русский архив. 1866. № 4. Стлб. 627–644.

Амбрумова А.Г. Психология самоубийства // Медицинская помощь. 1994. № 3. С. 15–19.

Белопольский В.Н. Достоевский и «западный раскол»: генезис и семантика фамилии главного героя романа «Преступление и наказание» (дополнение к комментарию) // Достоевский и мировая культура: альманах. 2013. № 30. Ч. 1. С. 286–291.

Боград Г.Л. Предположения о Смердякове (К вопросу об отношении Достоевского к расколу) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 161–169.

Бондач А.Г. Каноны о самоубийствах // Встреча (Студенческий православный журнал Московской духовной академии). 2008. № 1 (26). С. 17–19. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-o-samoubijstvah/>

Бахмутов Е.С. Секта бегунов – радикальный толк раскола // Регионология. 2008. № 1. С. 238–245. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/39>

Буданова Н.Ф. «И свет во тьме светит...» (К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского). СПб.: Петрополис, 2012. 408 с.

Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Кн. 8, доп. История распоряжений по расколу. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1863. 656 с.

Власкин А.П. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. Челябинск: ЧГУ; Магнитогорск: МГПИ, 1994. 204 с.

Волгин И.Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991. 607 с.

Гаричева Е.А. Преображение личности в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 201–215.

Джоунс М. Достоевский, Засецкая и учение лорда Редстока // Достоевский: дополнение к комментарию. М.: Наука, 2005. С. 297–313.

Дилакторская О.Г. Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica: Двухязычный журнал по русской и теоретической филологии. 1995. Т. 2, № 3–4. С. 59–84.

Ивановский Н.И. Внутреннее устройство секты странников или бегунов СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1901. 102 с. (Изд. журнала «Миссионерское обозрение».)

Ипатова С.А. Достоевский, Лесков и Ю.Д. Засецкая: спор о редстокизме (Письма Ю.Д. Засецкой к Достоевскому) // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 16. СПб.: Наука, 2001. С. 409–436.

Истомин К.К. Из жизни и творчества Достоевского в молодости // Творческий путь Достоевского: сб. ст. / Под ред. Н.Л. Бродского. Л.: Сеятель, 1924. С. 3–48.

Иустин (Попович), прп. Достоевский о Европе и славянстве / Пер. с серб. Л.Н. Даниленко. М.; СПб.: изд-во Сретенского монастыря, 2002. 288 с.

Карпачева Т.С. Образ Москвы в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Москва и «московский текст» в русской литературе: Москва в судьбе и творчестве русских писателей: сб. науч. ст. М.: МГПУ, 2013. Вып. 7. С. 39–45.

Карпачева Т.С. Пасхальность творчества свт. Тихона Задонского и Ф.М. Достоевского // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 84. С. 31–35.

Кельсиев В.И. Пережитое и передуманное: Воспоминания Василия Кельсиева. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 438 с.

Кони А.Ф. На жизненном пути. Из записок судебного деятеля. 4-е изд.

Ревель; Берлин: Библиофил, 1922. Т. 1. 667 с.

Ляровский А.Б. «Простите, дорогие мама и папа». Родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века. СПб.: Крига, 2017. 600 с.

Мальцев А.И. Об одном из основных аспектов вероучения староверов-странников // Книга и литература в культурном контексте: сб. науч. ст., посвященных 35-летию начала археографической работы в Сибири. 1965–2000. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 447–452.

Ми Суюян. Раскольники в «Записках из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: взаимодействие художественного текста с публицистикой // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 4 (169). С. 139–146.

Михнюкевич В.А. Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. Челябинск: ЧГУ, 1994. 320 с.

Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.

Опиц Р. Эксперимент Достоевского с повседневностью: роман «Подросток» // Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения: сб. ст. Коломна: КГПИ, 2003. С. 28–52.

Плетнев Р.В. Сердцем мудрые: о «старцах» у Достоевского // Вокруг Достоевского: сб. ст. / под ред. А.Л. Бема. В 2 т. Т. 1 [и единственный]. О Достоевском: Прага, 1929 / 1933 / 1936. М.: Русский путь, 2007. С. 251–263.

Поселянин Е.Н. Идеалы христианской жизни: в 4-х кн. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1913. 493 с.

Ракитина Л.М. Сюжетно-композиционное единство романа Ф.М. Достоевского «Подросток»: дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 189 с.

Саису Н. Образ наставника в творчестве Ф.М. Достоевского конца 1860-х – 1870-х гг.: св. Тихон Задонский, К.Е. Голубов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 194 с.

Семенов Е.И. Роман Достоевского «Подросток»: (проблематика и жанр). Л.: Наука, 1979. 168 с.

Тихомиров Б.Н. Неизвестный набросок Ф.М. Достоевского к неосуществленному публицистическому замыслу «Статьи об отношении России к Европе и об русском верхнем слое» // Статьи о Достоевском. 1971–2001. СПб.: Серебряный век, 2001. С. 19–23.

Трефолов Л.Н. Странники // Русский архив. 1866. № 4. С. 602–627.

Туниманов В.А. Достоевский и Некрасов // Достоевский и его время. Л.: Наука, 1971. С. 33–66.

Тузичишный А.П. Сектанство в романе «Идиот» // Идеиные источники образов Ф.М. Достоевского. М.: МГЭИ, 2010. С. 61–67.

Халтулари Д.В. Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб.: Деп-т общ. дел Министерства внутренних

дел, 1903. 340 с.

Цой Л.Н. Проблема раскола и народных ересей в творчестве Достоевского. Якутск: ЯГУ, 1995. 114 с.

Щапов А.П. Земство и раскол. II (Бегуны) // Щапов А.П. Собр. соч.: в 3 тт. СПб.: Изд. М.В. Пирожков, 1906. Т. 1. С. 505–579.

Якубович И.Д. К характеристике стилизации в «Подростке» // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Вып. 3. С. 136–143.

References

Sources

Dostoevsky F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. L.: Nauka Publishing House. Leningrad Branch, 1972–1990.

Biblioteka F.M. Dostoyevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoye opisaniye [The Library of F.M. Dostoevsky: The Experience of Reconstruction. Scientific Description]. SPb.: Nauka Publishing House, 2005. 338 p.

Orthodox Literature

Zhitiya svyatiteley Mitrofana Voronezhskogo i Tikhona Zadonskogo [The Lives of Saints Mitrofan of Voronezh and Tikhon of Zadonsk]. M.: Sretensky Monastery Press, 2007. 286 p.

Tikhon Zadonsky, St. *Sobr. soch.: v 5 tt.* [Collected Works: in 5 vols.]. M.: Printing House Named After St. Ignatius of Stavropol, 2003.

Tikhon Zadonsky, St. *Keleynoye moleniye* [Cell Prayer] // St. Tikhon Zadonsky. *Izbrannye trudy, pis'ma, materialy* [Selected Works, Letters and Papers]. M.: Orthodox St. Tikhon University for the Humanities Press, 2004. The Application (published in a separate tab). 62 p.

Dictionary

Dahl V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tt.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. *Sovmeshhennaja red. V.I. Dalja i I.A. Bodujena de Kurtene v sovremennom napisanii* [Combined Edited by V.I. Dahl and I.A. Baudouin de Courtenay in Modern Spelling]. M.: Olma Media Group Press, 2007.

Literature

Aksakov I.S. *Kratkaya zapiska o strannikakh ili begunakh (1851)* [The Short Note about Wanderers or Runners] (1851) // Russian Archive. 1866. № 4. Col. 627–644.

Ambrumova A.G. *Psikhologiya samoubiystva* [Psychology of Suicide] // *Medicinskaja pomoshh'* [Medical Aid]. 1994. № 3. Col. 15–19.

Belopolsky V.N. *Dostoyevskiy i «zapadnyy raskol»: genezis i semantika familii glavnogo geroya romana «Prestupleniye i nakazaniye» (dopolneniye k kommentariyu)* [Dostoevsky and the «Western Schism»: the Genesis and Semantics

of the Surname of the Main Character of the Novel “Crime and Punishment” (Supplement to the Commentary)] // *Dostoevskij i mirovaja kul'tura: Al'manah* [Dostoevsky and World Culture: Almanac]. 2013. № 30. Part 1. Pp. 286–291.

Bograd G.L. *Predpolozheniya o Smerdyakove (K voprosu ob otnoshenii Dostoyevskogo k raskolu)* [Assumptions about Smerdyakov (On the Question of Dostoevsky's Attitude to the Schism)] // *Dostoevskij. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky: Materials and Research]. SPb.: Nauka Publishing House, 2007. V. 18. Pp. 161–169.

Bondach A.G. *Kanony o samoubiystvakh* [The Canons of Suicide] // *Vstrecha (Studencheskij pravoslavnyj zhurnal Moskovskoj duhovnoj akademii)* [Meeting (Student Orthodox Journal of the Moscow Theological Academy)]. 2008. № 1 (26). Pp. 17–19. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-o-samoubijstvah/>

Bakhmustov E.S. *Sekta begunov – radikal'nyy tolk raskola* [The Sect of Runners – a Radical Interpretation of the Schism] // *Regionology*. 2008. № 1. Pp. 238–245. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/39>

Budanova N.F. “*I svet vo t'me svetit...*” (*K harakteristike mirovozzrenija i tvorcestva pozdnego Dostoyevskogo*). [“And the Light Shines in the Darkness...” (On the Characteristics of the Worldview and Creativity of the Late Dostoevsky)]. SPb.: Petropolis Press, 2012. 408 p.

Varadinov N.V. *Istoriya Ministerstva vnutrennikh del. Kn. 8, dop. Istoriya rasporyazheniy po raskolu* [History of the Ministry of Internal Affairs. Book 8, add. The History of Schism Orders]. SPb.: Ministry of Internal Affairs Press, 1863. 656 p.

Vlaskin A.P. *Tvorcestvo F.M. Dostoyevskogo i narodnaya religioznaya kul'tura* [The Work of F.M. Dostoevsky and Folk Religious Culture]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press; Magnitogorsk: Magnitogorsk State Pedagogical Institute Press, 1994. 204 p.

Volgin I.L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoyevskiy i sovremenniki: zhizn' v dokumentakh* [Born in Russia. Dostoevsky and His Contemporaries: Life in Documents]. M.: Kniga Press, 1991. 607 p.

Garicheva E.A. *Preobrazheniye lichnosti v romane F.M. Dostoyevskogo «Podrostok»* [The Transformation of Personality in F.M. Dostoevsky's Novel “The Adolescent”] // *Problemy istoricheskoy pojetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2011. № 9. Pp. 201–215.

Jones M. *Dostoyevskiy, Zasetkaya i ucheniye lorda Redstoka* [Dostoevsky, Zasetkaya and the Teachings of Lord Redstock] // *Dostoevskij: dopolnenie k kommentariju* [Dostoevsky. Supplement to the Commentary]. M.: Nauka Publishing House, 2005. Pp. 297–313.

Dilaktorskaya O.G. *Skoptsy i skopchestvo v izobrazhenii Dostoyevskogo (Kistolkovaniyupovesti «Khozyayka»)* [The Eunuchs and the Eunuch in Dostoevsky's Image (To Interpret the Story “The Hostess”)] // *Philologica: Dvujazychnyj zhurnal po russkoj i teoreticheskoy filologii* [Philologica: The Bilingual Magazine of Russian

and Theoretical Philology]. 1995. V. 2, № 3–4. Pp. 59–84.

Ivanovsky N.I. *Vnutrenneye ustroystvo sekty strannikov ili begunov* [The Internal Structure of the Sect of Wanderers or Runners] // *Izd. zhurnala «Missionerskoe obozrenie»* ["Missionary Review" Magazine Press]. SPb.: Typo-lithography by V.V. Komarov, 1901. 102 p.

Ipatova S.A. *Dostoyevskiy, Leskov i Yu.D. Zasetskaya: spor o redstokizme (Pis'ma Yu.D. Zasetskoy k Dostoyevskomu)* [Dostoevsky, Leskov and Yu.D. Zasetskaya: the Dispute about Redstockism (Letters from Yu.D. Zasetskaya to Dostoevsky)] // *Dostoyevskij. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. V. 16. SPb.: Nauka Publishing House, 2001. V. 16. Pp. 409–436.

Istomin K.K. *Iz zhizni i tvorchestva Dostoyevskogo v molodosti* [From the Life and Work of Dostoevsky in His Youth] // *Tvorcheskij put' Dostoyevskogo: sb. st. / Pod red. N.L. Brodskogo* [Dostoevsky's Creative Path: Collection of Articles / Edited by N.L. Brodsky]. L.: Sejatel Press, 1924. Pp. 3–48.

Iustin Popovich, St. *Dostoyevskiy o Yevrope i slavyanstve* [Dostoevsky on Europe and the Slavs] / Translated from Serbian by L.N. Danilenko. M.; SPb.: Sretensky Monastery Press, 2002. 288 p.

Karpacheva T.S. *Obraz Moskvy v romane F.M. Dostoyevskogo «Podrostok»* [The Image of Moscow in F.M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent"] // *Moskva i «moskovskij tekst» v russkoj literature: Moskva v sud'be i tvorchestve russkih pisatelej: sb. nauch. st.* [Moscow and the "Moscow Text" in Russian Literature: Moscow in the Fate and Work of Russian Writers: Collection of Scientific Articles]. M.: Moscow City Pedagogical University Press, 2013. Issue 7. Pp. 39–45.

Karpacheva T.S. *Paskhal'nost' tvorchestva svt. Tikhona Zadonskogo i F.M. Dostoyevskogo* [The Paschal Nature of Tikhon Zadonsky and F.M. Dostoevsky] // *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Novgorod State University. Ser.: Humanities]. 2015. № 84. Pp. 31–35.

Kelsiev V.I. *Perezhitoye i peredumannoye. Vospominaniya Vasiliya Kel'siyeva* [The Experienced and the Changed: Memoirs of Vasily Kelsiev]. SPb.: Printing House of V. Golovin, 1868. 438 p.

Koni A.F. *Na zhiznennom puti. Iz zapisok sudebnogo deyatelya* [On the Path of Life. From the Notes of the Judicial Figure]. Ed. 4. Revel; Berlin: Bibliofil Press, 1922. Vol. 1. 667 p.

Lyarsky A.B. *«Prostitute, dorogiye mama i papa». Roditeli, deti i bor'ba s podrostkovymi samoubiystvami v Rossii kontsa XIX — nachala XX veka* [I'm Sorry, Dear Mom and Dad». Parents, Children and the Fight Against Teenage Suicide in Russia at the End of the XIX-th – beginning of the XX-th Century]. SPb.: Kriga Press, 2017. 600 p.

Maltsev A.I. *Ob odnom iz osnovnykh aspektov veroucheniya staroverov-strannikov* [On One of the Main Aspects of the Faith of the Old Believers-wanderers] // *Kniga i literatura v kul'turnom kontekste: sb. nauch. st.*,

posvjashhennyh 35-letiju nachala arheograficheskoy raboty v Sibiri. 1965–2000. [Book and Literature in a Cultural Context: Scientific Collection of Articles Dedicated to the 35th Anniversary of the Beginning of Archaeological Work in Siberia. 1965–2000]. Novosibirsk: Gosudarstvennaja publichnaja nauchno-tehnicheskaja biblioteka Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk [Printing House of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2003. Pp. 447–452.

Mi Suyan. *Raskol'niki v «Zapiskakh iz Mertvogo doma» F.M. Dostoevskogo: vzaimodeystviye khudozhestvennogo teksta s publitsistikoy* [Schismatics in “Notes from the Dead House” by F.M. Dostoevsky: the Interaction of Literary Text with Journalism] // *Izvestija UrFU. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* [News of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanities]. 2017. V. 19, № 4 (169). Pp. 139–146.

Mikhnyukevich V.A. *Russkiy fol'klor v khudozhestvennoy sisteme F.M. Dostoyevskogo* [Russian Folklore in the Artistic System of F.M. Dostoevsky]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Press, 1994. 320 p.

Mochulsky K.V. *Gogol'. Solov'yev. Dostoyevskiy* [Gogol. Soloviev. Dostoevsky]. M.: Republic Press, 1995. 607 p.

Opitz R. *Eksperiment Dostoyevskogo s povsednevnost'yu: roman «Podrostok»* [Dostoevsky's Experiment with Everyday Life: The Novel “The Adolescent”] // *Roman F.M. Dostoyevskogo «Podrostok»: vozmozhnosti prochtenija* [The Novel by F.M. Dostoevsky “The Adolescent”. Possibilities of Reading]: Collection of Articles. Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute Press, 2003. Pp. 28–52.

Pletnev R.V. *Serdsem mudryye. O «startsakh» u Dostoyevskogo* [Wise in Heart. About the “Elders” in Dostoevsky] // *Vokrug Dostoyevskogo: sb. st.: v 2 tt. / pod red. A.L. Bema. T. 1 [i edinstvennyj]. O Dostoyevskom: Praga, 1929 / 1933 / 1936* [Around Dostoevsky: in 2 vols. Collection of Articles / Edited by A.L. Boehm. V. 1 [and the only one]. About Dostoevsky. Prague, 1929 / 1933 / 1936]. M.: Russian Way Press, 2007. Pp. 251–263.

Poselyanin E.N. *Idealy hristianskoj zhizni* [Ideals of Christian Life]: in 4 books. SPb.: Printing House by P.P. Soikin, 1913. 493 p.

Rakitina L.M. *Syuzhetno-kompozitsionnoye yedinstvo romana F.M. Dostoyevskogo «Podrostok»* [The Plot and the Compositional Unity of F.M. Dostoevsky's Novel “The Adolescent”]: dis. ... Cand. of Philological Sciences. M., 1986. 189 p.

Saisu N. *Obraz nastavnika v tvorchestve F.M. Dostoyevskogo kontsa 1860-kh – 1870-kh gg.: sv. Tikhon Zadonskiy, K.Ye. Golubov* [The Image of the Mentor in the Works of F.M. Dostoevsky in the Late 1860s – 1870s: St. Tikhon of Zadonsk, K.E. Golubov]: dis. ... Cand. of Philological Sciences. SPb., 2020. 194 p.

Semenov E.I. *Roman Dostoyevskogo «Podrostok»: (problematika i zhanr)* [Dostoevsky's Novel “The Adolescent”: (Problems and Genre)]. L.: Nauka Publishing House, 1979. 168 p.

Tikhomirov B.N. *Neizvestnyy nabrosok F.M. Dostoyevskogo*

k neosushchestvlenному publitsisticheskomu zamyslu «Stat'i ob otnoshenii Rossii k Yevrope i ob russkom verkhnem sloye» [Unknown Sketch of F.M. Dostoevsky for the Unrealized Journalistic Plan “Articles on Russia’s Attitude to Europe and on the Russian Upper Class”] // *Stat'i o Dostoyevskom. 1971–2001* [Articles on Dostoevsky. 1971–2001]. SPb.: Silver Age Press, 2001. Pp. 19–23.

Trefolev L.N. *Stranniki* [Wanderers] // *Russkij arhiv* [Russian Archive]. 1866. № 4. Pp. 602–627.

Tunimanov V.A. *Dostoyevskiy i Nekrasov* [Dostoevsky and Nekrasov] // *Dostoyevskiy i ego vremya* [Dostoevsky and His Time]. L.: Nauka Publishing House, 1971. Pp. 33–66.

Tusichishny A.P. *Sektantstvo v romane «Idiot»* [Sectarianism in the Novel “The Idiot”] // *Idejnye istochniki obrazov F.M. Dostoyevskogo* [Ideological Sources of F.M. Dostoevsky’s Images]. M.: Moscow Humanities and Economics Institute Press, 2010. Pp. 61–67.

Khaltulari D.V. *Obzor meropriyatij Ministerstva Vnutrennikh del po raskolu s 1802 po 1881 god* [Review of the Activities of the Ministry of Internal Affairs on the Schism from 1802 to 1881]. SPb.: Department of General Affairs of the Ministry of Internal Affairs], 1903. 340 p.

Tsoi L.N. *Problema raskola i narodnykh yeresey v tvorchestve Dostoyevskogo* [The Problem of Schism and Popular Heresies in the Works of Dostoevsky]. Yakutsk: Yakutsk State University Press, 1995. 114 p.

Shchapov A.P. *Zemstvo i raskol. II (Beguny)* [Zemstvo and Schism. II (Runners)] // Shchapov A.P. *Sobr. soch.: v 3 tt.* [Shchapov A.P. Collected Works: in 3 vols.]. SPb.: Printing House of M.V. Pirozhkov], 1906. V. 1. Pp. 505–579.

Yakubovich I.D. *K kharakteristike stilizatsii v «Podrostke»* [On the Characteristics of Stylization in “The Adolescent”] // *Dostoyevskij: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. L.: Nauka Publishing House, 1978. № 3. Pp. 136–143.

Сведения об авторе

Карпачева Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: русская литература XIX века, творчество Ф.М. Достоевского.

XXXXX

Information about the Author

Tatiana S. Karpacheva – PhD (Philology), Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: Russian Literature of the XIX-th century, F.M. Dostoevsky’s works.